

После утренней трапезы Чжао Чэн, Ван Цуйхуа, Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъянь отправились в дом старосты. Сам староста — мужчина чуть за пятьдесят — в это время сидел во дворе, держа на руках маленького внука и негромко с ним разговаривая. Увидев гостей, он лишь слегка удивился и окликнул супруга, чтобы тот забрал ребёнка.

Супруг старосты возился на кухне, занятый какими-то делами. Услышав зов, он вышел, и, едва взглянув на всю семью Чжао, сразу всё понял. История о том, что у них назревает раздел семьи, уже разлетелась по округе. Но чтобы прийти делить хозяйство уже на следующий день после свадьбы сына — это, по её мнению, было уж слишком. Он был прямолинейный: раздражение, возникшее в душе, тут же отразилось на лице. Не удостоив супругов и словом, он лишь подхватил внука на руки:

— Идём, золотце, я тебя чем-нибудь вкусненьким угощу.

Когда ребёнка унесли, староста поднялся, стряхнул с одежды пыль и, повернувшись к гостям, коротко бросил:

— Проходите в дом.

Чжун Цзыци украдкой оглядел двор, запоминая расположение дома старосты, и вошёл последним.

— Мы сегодня пришли оформить расписку, — нетерпеливо заговорил Ван Цуйхуа.

Староста лениво приподнял веки и бросил на него взгляд:

— Раздел имущества?

— Да-да. Посмотрите, Чжао Чжэнъянь уже не маленький, а его младший брат через пару лет тоже женится. В доме становится тесно... К тому же я не рассчитываю, что Чжэнъянь будет нас содержать в старости, так что пусть отделяются.

Староста пропустил его болтовню мимо ушей и обратился к Чжао Чэн:

— Ты согласен?

Тот лишь равнодушно кивнул.

Заметив, что взгляд старосты переместился на него, Чжун Цзыци поспешно кивнул:

— Я тоже согласен.

Раз обе стороны не возражали, староста не стал вмешиваться. Он достал бумагу и кисть и, следуя словам Чжао Чэна, начал записывать условия раздела. Но перед тем как поставить подписи, Чжун Цзыци внезапно заговорил:

— Амо, ты говоришь, что мы не обязаны вас содержать?

Ван Цуйхуа, торопясь скорее завершить дело, раздражённо махнул рукой:

— Не обязаны! — Лишь бы сами у нас денег не тянули.

— Вот как... Тогда, староста, добавьте это в документ. И ещё укажите, что после раздела наши семьи не вмешиваются в дела друг друга, особенно в финансовые. Мы не обязаны отдавать ни

гроша на их содержание, и они не имеют права вмешиваться в наши будущие дела.

— Это... — староста невольно замялся. Он и не ожидал, что этот худенький Чжун Цзыци окажется таким расчётливым — совсем не таким мягким, как о нём говорили в деревне.

— Вы же сами видите... Чжэнъань... он немного простодушен. В нашей семье даже нормальной рабочей силы нет — только я один. Если придётся ещё и вас содержать, у меня просто не хватит средств... Мы и сами-то едва сводим концы с концами.

Он поднял на старосту глаза — жалобные, влажные, полные безмолвной просьбы. Сам того не замечая, он сейчас был поразительно похож на Чжао Чжэнъаня, когда тот обычно выглядел обиженным и беспомощным.

Как и ожидалось, староста смягчился и проникся к нему сочувствием:

— Ладно. У вас есть возражения?

Чжао Чэн нахмурился, Ван Цуйхуа тоже был недоволен. В отличие от него, Чжао Чэн всё же обладал хоть какой-то смекалкой: слова — это одно, а записанное на бумаге — совсем другое. Он подумал, что если вдруг однажды эти двое разбогатеют, тогда...

Но Чжун Цзыци не дал ему и слова вставить:

— Если амо и адэ не согласны — ничего. Тогда, может, при разделе нам дадут немного больше денег? Нам и так трудно прокормить себя...

И, как и ожидалось, у людей с узким кругозором тут же пропало всякое желание спорить — они сразу согласились, что не возьмут с них ни гроша.

Так обе стороны подписали документы — в трёх экземплярах, и соглашение вступило в силу.

Вернувшись домой, Чжун Цзыци даже не ждал, пока Ван Цуйхуа начнёт его подгонять — сам принялся собираться. Впрочем, собирать было почти нечего. Своих вещей у него было немного — всего две-три смены одежды. У Чжао Чжэнъань — и того меньше. Та приличная одежда, что сейчас была на нём, — единственная, сшитая наспех перед свадьбой, да и то перешитая из старой, чтобы не ударить в грязь лицом. Всё остальное — сплошные лохмотья: дыры, прорехи, заплатки. Сначала Цзыци хотел выбросить их, но, подумав о том, какая жизнь их ждёт впереди, всё же оставил.

Чжао Чжэнъань, увидев, как он собирает вещи, тревожно потянул его за рукав:

— Жена... ты не уходи, ладно? Дурак... дурак будет тебя слушаться.

Цзыци не ожидал, что тот окажется таким чувствительным. Он отложил вещи и мягко сказал:

— Я же говорил тебе — тебя зовут Чжао Чжэнъань, а не «дурак». И потом, мы ведь просто переедем в другое место. Будем жить вдвоём.

Тот склонил голову набок:

— Не будем с родителями?

— Не будем. Только ты и я.

Лицо Чжэнъяня тут же просияло, он захлопал в ладоши:

— Хорошо! Хорошо! Только с женой!

Цзыци вздохнул с лёгкой беспомощностью — пусть уж называет его как хочет. Глядя на его радость, он вдруг вспомнил о ранах на его теле. Прошлой ночью, когда они раздевались ко сну, он мельком осмотрел его — на коже тянулись длинные красные полосы, явно следы от ударов палкой, кое-где уже затянувшиеся корками или превратившиеся в рубцы. Не нужно было много думать, чтобы понять, какой тяжёлой была его жизнь в этом доме.

По натуре Чжун Цзыци был человеком спокойным, умеющим принимать обстоятельства. В глубине души ему даже нравилась такая деревенская жизнь — без интриг, без постоянных тревог. Пусть нынешняя реальность и отличалась от его представлений, жить всё равно нужно. Теперь к тому же появился человек, который полностью зависел от него: не будешь стараться — умрёшь с голоду. Но сожалений или раздражения он не испытывал. Во многом — из-за лица Чжэнъяня, которое с самого начала вызвало у него симпатию, и из-за его послушания, этой невольной, наивной «милоты», которая невольно смягчала сердце. Как тут оставаться холодным, как камень?

Тряхнув головой, Цзыци закончил сборы, связал всё в узел и закинул его на плечо.

Выйдя во двор, он увидел сидящего в главной комнате Ван Цуйхуа. Подойдя ближе, он громко сказал:

— Амо, мы уходим!

— Идите уже, идите, — раздражённо отмахнулся он. — Вот ваша доля зерна, посуда — забирайте поскорее. Овощи во дворе — ешьте, пока не соберёте свои, а потом не смейте больше трогать.

Об этом они уже договорились у старосты. Как бы не был недоволен Ван Цуйхуа, изменить ничего не мог. Он отвернулся и ушёл, что-то бормоча себе под нос — и, судя по тону, ничего хорошего.

Цзыци не стал обращать внимания. Глядя на жалкий мешочек грубого зерна, он лишь мысленно усмехнулся: его жадность не знала границ. На сколько этого хватит — на пару дней? Отлично. Этот счёт он запомнит. Главное — чтобы потом не пришли к нему с просьбами.

Он присел, собираясь поднять мешок, но его снова потянули за рукав:

— Что такое?

Чжао Чжэнъянь протянул руки, перехватил мешок с зерном и закинул себе на спину:

— Тяжело. Я понесу.

Затем он поднял и узел с вещами.

Цзыци замер. В груди что-то едва заметно дрогнуло — вспыхнуло и тут же исчезло, не давая себя поймать.

Выйдя за ворота, Чжун Цзыци потянул Чжао Чжэнъань за собой в сторону родового дома. По дороге им попадались сельчане — он не прятался и охотно здоровался. Когда его спрашивали, куда он направляется, он тоже не скрывал:

— Мы отделились, идём в старый дом.

Стоило пройти окраину деревни и обернуться, как у подножия горы виднелись разбросанные, стоящие на разном расстоянии друг от друга дома. Говорили, раньше жителей в деревне Чжао было куда больше, поэтому дома строили ближе к горам. Но со временем кто-то уехал, кто-то умер, да и жить так близко к лесу стало небезопасно — вот люди и перебрались ближе к нынешнему месту, а старые дома постепенно опустели.

Дом семьи Чжао сохранился сравнительно хорошо — по крайней мере, не обвалился и не протекал. Они переехали позже других, да и потом время от времени сюда возвращались, поэтому строение ещё держалось. Остальные же выглядели удручающе: где-то обрушилась половина, а где-то дома и вовсе превратились в прах.

Цзыци с облегчением отметил, что эти развалины не стоят вплотную друг к другу, да и уцелевших домов немного. Иначе мысль о том, что кто-то может прятаться среди них, была бы по-настоящему жуткой.

Он толкнул ворота. Во дворе валялись разбросанные доски, лавки — всё выглядело запущенным и хаотичным. Цзыци тихо вздохнул, велел Чжэнъаню сначала сложить вещи, а сам повёл его осмотреть дом.

Внутри оказалось лучше, чем он ожидал. Главный дом был небольшим: при входе — общая комната, а по бокам от неё — двери в две просторные спальни. Кухня стояла отдельно, сбоку.

Пусть всё было старым и покрытым слоем грязи, жить здесь всё же можно. Он поднял голову — крыша не пропускала свет, значит, не протекала. Достаточно как следует убраться — и можно обживать. Сейчас главное — пережить самый трудный период. Он не позволит себе навсегда остаться в такой нищете. Хорошая жизнь обязательно придёт.

— Жена... а это где? — Чжао Чжэнъань с тревогой оглядывался по сторонам, украдкой цепляясь за край его одежды.

Цзыци мягко потрепал его по голове и улыбнулся:

— Чжэнъань, это наш дом. Мы теперь будем жить здесь. Не бойся.

Услышав это, тот тут же успокоился и с воодушевлением принялся осматривать «своё» новое жилище.

Цзыци покачал головой — и правда, его так легко утешить. Зажав нос от пыли, он вошёл в левую спальню. К счастью, стол и стулья были на месте. Он нашёл старую тряпку, стёр с поверхности толстый слой пыли и положил на стол свой узел. Развязав его, он достал самую ветхую одежду и разорвал её на куски — на тряпки для уборки.

Недалеко от ворот находился колодец. Когда-то здесь жили люди, так что он сохранился. Позже, когда все перебрались ближе к центру деревни, его сочли слишком далёким и выкопали новый.

В одном из углов Цзыци нашёл деревянное ведро. Увидев, что Чжэнъань всё ещё носит по

двору, он сказал:

— Чжэнъань, я схожу за водой и сразу вернусь. Подожди здесь немного.

Тот тут же подбежал, выхватил у него ведро:

— Жена, я понесу!

И, радостно подпрыгивая, побежал к колодцу.

Цзыци только моргнул — а тот уже был у колодца, сдвигал тяжёлую каменную крышку. Он поспешил следом:

— Чжэнъань, не трогай! Я сам! Осторожно, не упади!

Тот лишь недоумённо посмотрел на него, ловко опустил ведро и быстро набрал воды, после чего с видом, требующим похвалы, устоялся на Цзыци.

Цзыци: «...»

Выходит, он зря переживал? Судя по ловкости, тот делал это не раз. Но, глядя в его сияющие глаза, он всё же тихо сказал:

— Чжэнъань, ты молодец. Но всё равно будь осторожен, хорошо? Не упади.

— Не упаду! Я часто так делаю! — с довольной глуповатой улыбкой ответил тот.

Как и ожидалось... Цзыци вздохнул:

— Всё равно будь осторожен. Упадёшь — я тебя не возьму с собой.

— Я буду осторожен! Не бросай дурака! — Чжао Чжэнъань испуганно вцепился в его руку, словно боялся, что его и правда оставят.

Цзыци невольно прикрыл лицо ладонью — вот зачем он это сказал... Но, похоже, метод сработал:

— Не волнуйся, я тебя не брошу. Но ты должен слушаться меня, понял? И ещё — тебя зовут Чжао Чжэнъань, а не «дурак». Если ещё раз так себя назовёшь — я тебя точно не возьму.

Каждый раз, когда тот нервничал, он называл себя «дураком». И почему-то Цзыци совершенно не хотелось это слышать из его уст.

Вернувшись во двор, он принялся за уборку. Смахивал пыль, приводил всё в порядок. Чжао Чжэнъань, глядя на него, начал повторять за ним — старательно, с серьёзным видом. Это невольно вызвало у Цзыци улыбку.

— Цзыци, ты здесь? — снаружи раздался знакомый голос.

Это был Чжао Нин, тот самый, которого он встретил раньше.

— Здесь! — Цзыци поспешно отложил тряпку и вышел.

Во дворе стоял Чжао Нин, тянувший за собой мальчишку с чем-то в руках. Тот озирался по

сторонам, с любопытством разглядывая всё вокруг.

<http://bllate.org/book/16132/1590386>